

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

DOI: 10.31857/S086919080023329-8

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОКИ РЕЖИМА АПАРТЕИДА
В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

© 2023

Л.В. СИДОРЕНКО ^а^а – Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

ORCID: 0000-0001-8199-4219; l.sidorenko@spbu.ru; slv83@yandex.ru

Резюме: Целью статьи является анализ экономического измерения режима апартеида в Южной Африке через проведение исследования роли социально-экономических процессов в его становлении и развитии. Автор описывает положение на рынке труда и в экономике страны в начале XX в. и раскрывает первые шаги белого правительства по сегрегации африканцев в экономике до установления апартеида. Особое внимание при этом уделяется проблеме глубоких социально-экономических противоречий внутри белого сообщества (между африканерами и потомками английских колонистов), которые серьезно мотивировали имевших низкий уровень образования и квалификации буров на борьбу за получение политического господства в государстве для соблюдения собственных экономических интересов. Автор также освещает роль местного населения в экономическом развитии страны и трудовых миграционных процессах в условиях индустриальной трансформации южноафриканской экономики. На примере ситуации в сфере образования демонстрируется начало процессов вынужденной эмансипации африканцев, носившей ограниченный характер. В заключении делается вывод, что именно экономическое (а не идейное или политическое) измерение апартеида являлось ключевым в его развитии и во многом определяло сущность режима, призванного сохранить сложившуюся систему поддержания экономического потенциала африканеров в противостоянии с небелым населением (посредством ограничения их прав и использования в качестве дешевой рабочей силы) и конкурирующими англоговорящими жителями страны (через создание условий перераспределения капиталов в пользу африканеров). При этом приоритет экономических мотивов апартеида предопределил его известную гибкость, проявлявшуюся в допустимости отхода от следования строгим идейным конструктам в угоду экономической целесообразности, что выразилось в определенной эмансипации в сфере образования африканцев и невозможности добиться полной сегрегации расовых групп. Чем интенсивнее развивалась экономика, тем более значимой становилась роль чернокожего населения в поддержании ее роста, и тем слабее представлялась идейная догматика режима апартеида.

Ключевые слова: апартеид, экономика, генезис, африканеры, миграция, образование.

Для цитирования: Сидоренко Л.В. Социально-экономические истоки режима апартеида в Южной Африке. *Восток (Oriens)*. 2023. № 2. С. 93–103. DOI: 10.31857/S086919080023329-8

SOCIO-ECONOMIC ORIGINS OF THE APARTHEID REGIME
IN SOUTH AFRICA

© 2023

Leonid V. SIDORENKO ^a^a – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0001-8199-4219; l.sidorenko@spbu.ru slv83@yandex.ru

Abstract: *The aim of this article is to analyze the economic dimension of the apartheid regime in South Africa by studying the role of socio-economic processes in its formation and development. The author describes the situation in the labor market and economy of the country in the early 20th century and covers the first steps taken by the White government to establish segregation of Africans in the economic sphere. Particular attention is paid to the problem of deep socio-economic contradictions between Afrikaners and descendants of English colonists, which seriously motivated Boers to fight for political domination to defend their own economic interests. The author also marks the role of Africans in the economic development and labor migration processes in the context of the ongoing industrial transformation of the South African economy. In conclusion, it was economic (not ideological or political) dimension of the apartheid that was actually crucial in its development and largely determined the essence of the regime, formed to preserve the existing system of maintaining the economic potential of Afrikaners in confrontation with the non-white population and competing English-speaking residents. Priority of the economic motives in the construction of apartheid regime predetermined its flexibility, urged it to shift away from strict ideological constructs, resulting in a certain grade of emancipation in the field of education and inability to achieve complete segregation of racial groups. The more intensively the economy developed, the more the role of the black population in supporting its growth was rising, and the weaker the apartheid ideological dogma became.*

Keywords: apartheid, economy, genesis, Afrikaners, migration, education.

For citation: Sidorenko L.V. Socio-Economic Origins of the Apartheid Regime in South Africa. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 2. Pp. 93–103. DOI: 10.31857/S086919080023329-8

Вторая половина двадцатого столетия стала периодом динамичного развития Африканского континента, когда рушились колониальные империи и рождались независимые государства, началась политика деколонизации. Подувший «ветер перемен», казалось, смог сменить привычные ранее в общественном сознании западной цивилизации представления о коренных жителях черного континента как о неполноценных исполнителях их воли, по крайней мере внешне. Наступила эра надежд на светлое постколониальное будущее. Однако на фоне столь стремительных изменений особняком стоял Южно-Африканский Союз (с 1961 г. – Южно-Африканская Республика), в котором после победы в 1948 г. Националистической партии на долгие сорок с лишним лет утвердился режим апартеида, ставший символом сохранения расовой дискриминации и унижения человеческого достоинства. В течение нескольких десятилетий все люди на планете с прогрессивными взглядами с возмущением осуждали южноафриканскую политическую реальность сохранения грубых колониальных практик и унижения коренного населения.

При этом некоторые западные исследователи проводили определенную терминологическую дифференциацию определения этого режима, выделяя т. н. малый апартеид, выражавшийся в сегрегации в повседневной жизни (в медицинских и образовательных

учреждениях, в общественных местах отдыха, на спортивных площадках и т. д.), и большой апартеид, затрагивавший вопросы распределения собственности и политических прав [Beck, 2000, p. 125]. Во многом именно многочисленные примеры «малого» апартеида и создавали негативный информационный фон, но следует понимать, что он был невозможен без создания организованной системы «большого» апартеида. И если политическая составляющая последнего – законодательные ограничения прав африканцев и других небелых расовых групп – нашла своих исследователей, то его экономическая основа оказалась менее востребованной и изученной. В силу этого целью статьи является анализ экономического измерения режима апартеида через исследование роли социально-экономических процессов в его становлении и развитии.

Экономические основы апартеида в Южной Африке стали оформляться задолго до его политической институционализации. Еще до Первой мировой войны во вновь образованном Южно-Африканском Союзе были приняты меры по сохранению и усилению расовой дискриминации: после принятия в 1911 г. закона «О шахтах и работах на них» система расовой дискриминации была введена при найме на горные работы, в результате чего у белых рабочих появилось юридически закрепленное преимущество при трудоустройстве и распределении заработков. А в 1913 г. в рамках принятого закона «О землях туземцев» коренному африканскому населению было оставлено лишь 13% площади от всего территориального фонда страны, что стало предпосылкой создания системы резерватов [*Южная Африка*, 1991, с. 20].

Таким образом, хотя на тот момент чернокожее население составляло около 70% от численности страны, ему законодательно оставили лишь 13% территории, что позволило начать массовое выселение африканцев с передаваемых белым земель. В дальнейшем уже в эпоху апартеида земли коренных жителей произвольно разделили на 10 участков для этнических групп африканцев, каждой из которых выделили свою особую территорию – бантустаны. Их обустройство с начала 1970-х гг. приняло форсированный характер, а часть из них даже получили формальную независимость. Цели этой политики режима заключались в стремлении остановить процесс национальной консолидации африканцев и расколоть африканское национально-освободительное движение, возродив трибализм и создав коррумпированную верхушечную прослойку африканцев, зависевшую от белых. Но реальная главная цель этих процессов состояла в том, чтобы закрепить эксплуатацию африканской рабочей силы, сконцентрированной в экономически нежизнеспособных бантустанах [*Апартеид*, 1990, с. 10]. Для понимания того, кто получил максимальные выгоды от такой системы апартеида, нужно проанализировать интересы групп белого населения страны.

Здесь важно отметить, что единое в рамках политического измерения апартеида белое население Южной Африки в начале XX в. в реальности не представляло однородный феномен в социально-экономическом плане, так как наблюдались серьезные различия между его англоговорящей частью и бурами. Последние являлись преимущественно выходцами из сельской местности с низким уровнем образования. Со временем они стали покидать деревни и переселяться в города, но недостаток образования не позволял им на равных конкурировать на рынке труда с англоговорящими жителями страны, из-за чего уделом буров оставалась работа с низкой квалификацией и такой же оплатой, что породило проблему бедности уже среди белых и растущее стремление оградить их от конкуренции на рынке труда со стороны чернокожих рабочих, занимавших ту же нишу работников низкой квалификации. Проблема белых безработных обострилась в 1920-х гг., когда порядка 200–300 тыс. африканеров оказались под угрозой остаться без работы, что, в свою очередь, привело к ограничению и резервированию рабочих мест для отдельных

расовых категорий задолго до официального установления режима апартеида [Mariotti, 2012, p. 1002–1103]. И если принятие земельного акта 1913 г., оформившего резервации для африканцев, стало основой сегрегации, призванной обеспечить источник рабочей силы и не допустить распространения гражданских прав на чернокожих в других районах страны, то к 1920-м гг. стало ясно, что территория расового конфликта переместилась в города, где интересы неквалифицированных белых и чернокожих рабочих стали сталкиваться все активнее. В этом плане сегрегацию можно рассматривать как ответ на урбанизацию африканцев [Welsh, 1972, p. 40–41].

Толчком к этим процессам стало открытие золота и последовавшая индустриализация региона. Промышленная Южная Африка требовала все больше рабочей силы, естественным источником которой становились ряды чернокожих, чей хозяйственный способ кочевой обработки земли подошел к своему пределу. В итоге африканское население оказалось за пределами зоны естественного проживания, удовлетворяя экономические нужды белой экономики в ее промышленных центрах, но и конкурируя с ней на рынке труда, на котором вскоре оказались миллионы чернокожих [Erasmus, 1961, p. 60]. Это произошло как раз к моменту оформления режима апартеида официально.

До этого и африканцы, и африканеры находились в равно невыгодных условиях перед белыми англоговорящими жителями в вопросе наличия квалификации, что порождало определенные страхи перед конкуренцией, которую и хотели устранить установлением режима апартеида. При этом в экономике англоязычные белые изначально сделали ставку на города и промышленность, в то время как африканеры продолжали заниматься сельским хозяйством, отвечая за почти 80% этой отрасли к середине 1950-х гг. Тогда же африканеры имели контроль лишь над 1% золотодобычи, 3% угледобычи, 7% промышленного производства и 10% финансовых услуг [Uys, 1965, p. 16]. Фактически путь в процветающее индустриальное сообщество потомков англичан, контролировавших добывающую отрасль, был для африканеров закрыт, что порождало их желание сохранить и усилить свою бурскую идентичность. Но капиталистическое развитие страны привело к пролетаризации африканеров, до этого являвшихся в основном фермерами. Показательно, что в 1940–1975 гг., первые десятилетия режима апартеида, в экономике доля вторичного сектора заметно возросла, при этом первичный сектор (прежде всего за счет сельского хозяйства) сократился, а доля услуг оставалась стабильной, в пределах 47–49% [Milkman, 1977–1978, p. 67, 69].

В период, предшествовавший установлению режима апартеида, белое сообщество Южной Африки оказалось разделено и в политической сфере. Англоязычные белые жители страны группировались вокруг сохранявшей английский стиль управления и язык партии Яна Сметса, чьи избиратели являлись более урбанизированными, образованными, богатыми и квалифицированными в среде белого населения, а в быту были избавлены от необходимости близкого общения с чернокожими. Националистическая партия, наоборот, опиралась на национальные особенности африканеров, которые, в свою очередь, были выходцами из бедных сельских слоев общества, не обладая достаточным уровнем образования и квалификации, а в повседневной жизни имея тесные контакты с африканцами [Vilakazi, 2000, p. 61]. Как писал современник об англоязычных белых: «Они не любили черных больше, чем это делали другие белые, но у них не было романтизации своей связи с черной Африкой посредством исторического контакта. Для их бурских соотечественников они были уитлендерами (иностранцами), и их связь с черной Африкой не была связана с борьбой великого трека. Они прибыли в Южную Африку за деньгами, не за победой или национальной идентичностью...» [Cohen, 2010, p. 546].

Отсюда появление апартеида объяснялось прежде всего тремя факторами: реакцией африканеров на британский колониализм; страхами буров быть поглощенными африканцами;

избирательными структурами двух белых групп населения. При апартеиде сложные расовые отношения дополнялись неоднородностью белой прослойки. Сила Националистической партии заключалась в ее отсылке к вековой борьбе буров за культурную и экономическую самостоятельность от британцев. Хотя африканеры смогли добиться быстрых подвижек в получении политического руководства за счет контроля полиции, армии и гражданской администрации, в экономике англоязычные жители страны продолжали доминировать, а буры – представлять беднейшую часть белого населения Южной Африки [Walker, 1967, p. 16–17].

Поэтому в экономической сфере африканеры вынуждены были вести борьбу на два фронта. На первом месте для них стоял вызов, брошенный англоязычным согражданам, которые в первые десятилетия апартеида контролировали порядка трех четвертых всей южноафриканской деловой активности и чьи экономические интересы противоречили чрезмерному воплощению режима апартеида. А во вторую очередь велась борьба с небелыми жителями страны, которые осмелились выдвигать национальные и культурные притязания против буров. В результате властная структура Южной Африки демонстрировала любопытную дихотомию. В то время как экономика страны находилась в основном в руках англоговорящего населения, политические вопросы в эпоху апартеида стали эксклюзивным делом африканеров [Snellen, 1967, p. 297]. На середину 1960-х гг. буры насчитывали 2 из 3,5 млн. белых жителей страны, образуя политическую, но не экономическую элиту. Это и предопределило главную реальную цель правительства апартеида, заключавшуюся не в установлении правления белых как таковых, а правления африканеров, а сам апартеид являлся лишь продуктом этой ситуации. Он не был простой расовой доктриной: его нужно рассматривать как расовую доктрину африканерского народа, потому что он был опорой для движения бурского национализма на котором базировалось националистическое правительство [Uys, 1965, p. 14].

Тем самым апартеид являлся производной от национализма буров, направленного не только против африканцев, но и против потомков английских колонистов. Исторически претендуя на то, чтобы быть ведущей цивилизационной силой во взаимоотношениях с местным населением, африканеры и сами оказывались в подчиненном положении по отношению к британскому империализму, перестраивавшему под себя не только политику, но и экономические отношения. Поэтому «именно эта двойственность привела к попытке национального самоутверждения за счет бесправного небелого населения Южной Африки, что и стало основой апартеида» [Сидоренко, 2012, с. 106].

Националистическая партия пришла к власти на переходном этапе развития южноафриканской экономики, когда после окончания Второй мировой войны в стране стал интенсивно развиваться вторичный сектор, однако политическими методами режим апартеида пытался сохранить порядки аграрной эпохи. От победы националистов выиграли три группы белых: фермеры-африканеры, все белые рабочие (боявшиеся конкуренции с дешевой африканской рабочей силой) и нарождавшаяся бурская буржуазия, с трудом конкурирующая с англоязычными элитами. Все эти группы так или иначе пострадали от индустриализации [Milkman, 1977–1978, p. 62, 99]. В результате националисты получали поддержку от богатых фермеров, от небольшого, но растущего слоя бурских бизнесменов, а также гражданских служащих (назначенцев самой партии). Но их основная сила черпалась из сравнительно бедного населения – фермеров, мелких производителей и заводских рабочих. Эти небогатые слои населения почти всегда были африканерами. И они же почитали Националистическую партию как свою защитницу от конкуренции со стороны небелых трудящихся [Walker, 1967, p. 21]. Тем самым режим апартеида в первую очередь был способом реализации защиты социально-экономи-

ческих интересов определенных групп общества, и только потом расовой идеологической надстройкой.

Поэтому практика показала, что апартеид не стал застывшей догмой, а представлял лишь политический метод. Ведь полная реализация концепции апартеида даже политикам виделась идеалом, не реализуемым на деле, в силу чего режим апартеида оказался весьма изменчив и эволюционировал, как и политика, в зависимости от внешних обстоятельств [Holloway, 1956, р. 29–30]. Две причины делали невозможным реализацию всех идейных целей апартеида (к которым прежде всего можно отнести самостоятельное развитие каждой африканской группы): невозможность полной сепарации белых и небелых (прежде всего в экономическом измерении), а также неготовность самого правительства белых полностью исполнить то, о чем его идеологи мечтали [McInnis, 1956, р. 237]. Ведь доктрина апартеида подразумевала, что все службы и функции управления каждой расовой группы в стране должны находиться в руках исключительно членов этой группы. В экономике это позволило бы африканцам избежать конкуренции с белыми, что способствовало бы росту показателей среднего класса банту и других групп [Erasmus, 1961, р. 63]. Однако на практике отмечался интересный парадокс: в то время как политики на публике требовали раздельного развития белых и черных, обусловленная хозяйственной необходимостью продолжавшаяся эксплуатация африканцев приводила к их интеграции в белую экономику в противовес развитию бантустанов, так как именно их низкая экономическая эффективность и давала возможность платить чернокожим низкие зарплаты [Porter, 1978, р. 754]. Иногда экономическая и политическая необходимость заставляла руководство режима полностью отходить от следования своей расовой идеологии. Так, когда в 1971 г. президент Малави Камузу Банда посетил Южную Африку, и в его честь был организован прием, по сообщениям, на том обеде премьер-министр Балтазар Форстер осмелился сидеть между двумя чернокожими леди, что вызвало нарекания со стороны твердолобых сторонников апартеида [Bamba, 2014, р. 91].

В экономической сфере режим апартеида пытался политическими методами ограничить приток африканцев в города и защитить рабочие места белых от конкуренции со стороны небелых [Horst, 1955, р. 80]. То есть в южноафриканском типе экономики белые использовали политическое доминирование, чтобы снизить возможности чернокожего населения на рынке труда ради поднятия доходов белых. Однако это носило во многом искусственный характер для экономики [Porter, 1978, р. 747], которая развивалась вне логики апартеида. Несмотря на идеи сегрегации, эпоха апартеида была отмечена ростом влияния в народном хозяйстве чернокожего населения за счет его активного вовлечения в урбанизационные процессы: именно африканцы обеспечивали рост городов, где традиционно проживали белые. Тем самым на практике режим апартеида принимал экономическую интеграцию разнорасовых групп, однако отвергал ее политические, социальные и культурные последствия. В этом можно обнаружить известное противоречие в работе националистического правительства, которое, создавая политическую структуру, основанную на сегрегации, не смогло преодолеть экономический базис, основанный на интеграции. Отсюда сама доктрина апартеида превращалась в политическую фантазию, которая отказывалась принимать экономическую реальность: попытка претворения апартеида в жизнь в экономике путем избавления от чернокожих рабочих неизбежно привела бы к банкротству страны [Uys, 1965, р. 13–14]. Поэтому, когда в 1973 г. квалифицированным чернокожим рабочим было разрешено работать в белых зонах, это решение означало размытие самой идеи апартеида [Levy, 1999, р. 416].

В ходе развития экономики апартеида шло два интеграционных процесса одновременно: африканеры все более активно проникали в управление национальной экономикой, в то

время как небелые занимали все больше рабочих мест, изначально зарезервированных за белыми. В результате рынок труда заметно расширился, а апартеид в экономической сфере становился все более иллюзорным феноменом [Snellen, 1967, p. 299]. До 1950-х–1960-х гг. африканские рабочие в основном были заняты в аграрном секторе, на шахтах и, конечно же, в домашнем хозяйстве белых. Большинство из них являлись малоквалифицированной рабочей силой, слабо влиявшей на общее развитие производительных сил в стране. Лучшие вакансии были оставлены для белых, цветных и азиатов. Но с 1950-х гг. начались изменения, ставшие наиболее заметными в 1970-х гг. Заключались они в росте индустриализации экономики Южной Африки, что соответствующим образом сказалось и на чернокожей рабочей силе, заметно повысившей свою образованность, квалификацию и самосознание [Vilakazi, 1978, p. 61–62]. Изменялись и количественные показатели. За годы правления националистов численность африканской рабочей силы росла. Так в шахтах соотношение банту к белым достигла 8 к 1, в европейском сельском хозяйстве 4 к 1, в промышленности – 2 к 1. И, хотя более трети населения банту проживало в хоумлендах, большинство из них составляли женщины, старики и дети – непроизводительная для экономики часть населения [Walshe, 1963, p. 355].

Здесь можно согласиться с мнением Барбары Роджерс: «Политика бантустанов никогда не была серьезно направлена на то, чтобы оградить африканских рабочих от современного, белого, сектора экономики. Вместо этого система туземных резерваций должна была создаваться как часть системы, в соответствии с которой африканское население должно было быть ограничено существованием экономики, неспособной обеспечить их существование, с тем, чтобы трудоспособные люди приходили в белую зону продавать свой труд» [Lundahl, 1962, 1178–1179]. Чернокожие мигранты в ЮАР эпохи апартеида рассматривались как временные работники, так как хотя бы раз в год они возвращались к своим семьям. Этому способствовал и особый режим пропусков. Миграция шла из сельских районов в городские поселения белых, где имелась работа. Более 80% чернокожих мигрантов обеспечивали 30% дохода их домохозяйств. В 1993 г. каждое четвертое домовладение чернокожих зависело от труда мигрантов [Lu, Treiman, 2011, p. 1123–1124].

Тем самым экономическая ситуация породила в ЮАР специфическую миграцию. Так, например, на 1985 г. свыше 1,8 млн африканцев числились внутренними мигрантами, устраивавшимися на работу по трудовым контрактам, без переезда членов семьи. Большинство из них составляли мужчины, работавшие в добывающей промышленности. Вторая категория была представлена т. н. коммьютерами, выходцами из бантустанов, ежедневно ездящими на работу в белые области. Их было почти 615 тыс. человек. Еще 371 тыс. были мигрантами из сопредельных государств – в основном Лесото, Мозамбика и Малави [Savage, 1987, p. 606–607]. Однако сами по себе количественные показатели рабочей силы и ее миграции не дают представление об экономической структуре ЮАР в эпоху апартеида. Их необходимо анализировать в контексте наличия капиталов. Известный специалист по экономике ЮАР Ричард Портер предложил рассматривать три больших сектора экономики в зависимости от наличия трудовой силы и капитала: 1) резервации (черная рабочая сила, работающая для себя и являющаяся резервом для белых, без капитала), 2) сельское хозяйство (черная рабочая сила и белые владельцы с капиталом), 3) промышленность (где белые и черные работали на белых капиталистов) [Porter, 1978, p. 744]. Тем самым потоки миграции африканцев строго соответствовали движению трудовых ресурсов к центрам капитала, который был представлен белой экономикой городов, бурскими фермами и промышленностью.

После Второй мировой войны в связи с возросшей механизацией промышленности структура спроса на рабочую силу в стране изменилась: теперь требовалось больше квали-

фицированных рабочих. Благодаря этому во многом именно белые африканеры повысили свой социально-экономический статус путем перехода на более квалифицированную и оплачиваемую работу. Способствовал этому и растущий уровень их образования, чего по-прежнему были лишены чернокожие [Mariotti, 2012, p. 1104]. Однако одним из негативных последствий установления цветного барьера стало формирование белой «рабочей аристократии», фактически лишившейся стимулов к повышению производительности труда, что привело к 1970-м гг. к нехватке квалифицированной рабочей силы [Беляев, 1997, с. 219]. Апартеид, казалось, должен был сохранить данное положение, но потребности экономики привели к росту вовлеченности чернокожего населения в промышленную сферу. Тем самым в вопросах рынка труда и занятости апартеид никогда не соответствовал своему первоначальному смыслу, так как полной сегрегации работников не происходило. Скорее можно говорить о формировании некой иерархии, в которой белые занимали высшие места, имея лучшее образование и подготовку, а значит и лучшие зарплаты [Porter, 1984, p. 120–121].

Необходимость вовлечения африканского населения в растущую экономику требовало роста качества их образования. Принятый в 1953 г. Образовательный акт Банту передал контроль за школьным образованием чернокожих от местных властей и церквей в руки правительства. «Когда я контролирую образование аборигенов, – говорил Хендрик Фервуд своим министрам, – я так его реформирую, что аборигены с детства будут знать, что равенство с европейцами не для них». Он так и сделал. Школы стали инструментом социального контроля. Чернокожих детей готовили к подчиненной роли в обществе. За 1955–1975 гг. в семь раз возросло число начальных школ, в то время как число средних школ сокращалось. На душу населения в начале 1970-х гг. тратили в 20 раз больше на белого ученика, чем на черного. Однако затем после осознания властями, что экономический рост требует квалифицированных рабочих, в том числе чернокожих, количество старших школ для африканцев стало расти, но по иронии судьбы, эффект выпуска этих школ пришелся на период экономического кризиса и роста безработицы в середине 1980-х гг., когда число их учащихся превысило миллион, и они стали мощной группой давления на режим [Murphy, 1992, p. 368]. Впрочем, результаты этого процесса не стоит переоценивать. К концу эпохи апартеида половина чернокожего населения имела незаконченное начальное образование или вообще его не имела. И только 7% африканцев смогли получить полное среднее или высшее образование [Lu, Treiman, 2011, p. 1125].

В целом можно констатировать, что, несмотря на ряд политических и системных ограничений режима апартеида, экономика Южной Африки росла весьма быстро до 1970-х гг. В 1946–1968 гг. ее средний прирост составлял 5% ежегодно. Факторами, способствовавшими развитию южноафриканской экономики, были достаточно стабильная политическая система и адекватное государственное управление; продвинутая социально-экономическая среда с квалифицированной рабочей силой и менеджментом. А выход страны на внешние рынки через связи с Британским содружеством и богатые сырьевые ресурсы, обеспечивавшие активный торговый баланс, только улучшали положение [Moll, 1991, p. 271, 279–280]. В условиях стремления правительства апартеида прежде всего сохранить и защитить доминирование белых в экономике, стала наблюдаться зависимость между, с одной стороны, пролетаризацией и пауперизацией чернокожих и, с другой, ростом белого африканерского класса капиталистов. К 1970-м гг. оформились и мощные бурские корпорации [Harshe, 1991, p. 439].

В дальнейшем, по мере все большей вовлеченности африканского населения в экономику апартеида и осознания им возможности получать от белых материальные блага, отношение общества к форме борьбы с режимом становилось все более неоднородным. В 1980-е гг., хотя многие, особенно молодежь, считали насилие необходимым, другие про-

тивники апартеида стремились достигнуть успеха ненасильственными методами, используя экономические возможности. В частности, чернокожие активно применяли потребительский бойкот против белых предпринимателей в Восточном Кейпе, Натале и Трансваале, который в основном касался малого бизнеса из сферы услуг. И самое главное, что этот бойкот заставил местные власти и бизнес пойти на переговоры по важным социальным проблемам, и даже по политическим [Baker, 1986, p. 45–46]. В этом плане курс правительства на все большее вовлечение черных в экономику принес свои результаты, смещая акценты в борьбе, которая переходила в русло экономических требований. По данным одного из опросов общественного мнения на начало 1990-х гг. почти 60% африканского населения считали основными проблемами уровень зарплаты, условия труда и безработицу, и лишь 1% – лишение африканцев избирательного права. Таким образом, имелся значительный разрыв в умонастроениях значительной части черного населения и относительно немногочисленной группы активистов борьбы с апартеидом [Незнамов, 1991, с. 6].

Как отмечали современники, апартеид стал меняться прежде всего как социально-экономическая система, но болезненно медленно. Реальные изменения в сегрегационной практике требовали огромных сумм и не могли принести быстрых ощутимых изменений для чернокожих. Хотя процесс шел: снижалась межрасовая разница зарплат, уходило в прошлое расовое резервирование номенклатуры специальностей, чернокожие получали доступ к центральным районам городов, тратились деньги на образование. Но правительство не хотело уменьшать привилегии белых слишком быстро. Единственной сферой, в которой апартеид не менялся до конца, была политика [Baker, 1986, p. 51]. Тем самым политические процессы отказа от практик апартеида заметно отставали от социально-экономической трансформации страны.

В 1994 г. режим апартеида пал: в результате проведения первых в стране всеобщих демократических выборов победу одержал главный оппонент Националистической партии – Африканский национальный конгресс. Это событие безусловно в первую очередь было следствием общественно-политических процессов в стране, которые можно сравнить с советской «перестройкой». Но имелись и экономические факторы. Структурный кризис мировой экономики в 1970-х гг. достаточно болезненно сказался на темпах роста экономики ЮАР в 1980-х гг., которая оказалась слабо приспособленной к новым реалиям, что вело к снижению ресурсов режима. А наметившееся потепление в отношениях США и СССР резко увеличивало угрозу введения реальных санкций со стороны Запада против и без того ослабленной экономики, что толкало местные власти сперва на смягчение, а потом и на демонтаж режима, который, очевидно, достиг пика своих возможностей в рамках старой экономической системы. В пределах экономического измерения апартеид выполнял первоначальную задачу усиления позиций африканеров в противовес англоязычным белым и чернокожему населению, но в начале 1990-х гг. он уже не имел перспектив ни в экономическом, ни тем более в идейном плане.

Подводя итоги статьи, можно сделать следующие выводы. Во-первых, экономическое измерение апартеида являлось ключевым и во многом именно оно определяло построение политического режима, призванного сохранить и улучшить систему поддержания экономического потенциала африканеров в противостоянии с конкурирующими англоговорящими жителями страны и ее небелым населением. Во-вторых, доминирование экономических мотивов апартеида предопределило его определенную гибкость, допускавшую отход от следования строгим идейным конструктам в угоду экономической целесообразности, что, например, проявилось в определенной эмансипации в сфере образования африканцев и невозможности добиться полной территориальной сегрегации расовых групп. Концепция бантустанов оказалась невыполнимой не в силу их изначальной порочности, а из-за по-

требности в проживающей в них чернокожей рабочей силы для белой экономики. Чем интенсивнее развивалась экономика, тем более значимой становилась роль чернокожего населения в поддержании ее роста, и тем слабее представлялась идейная догматика режима апартеида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Апартеид: внутренние и внешние аспекты. Москва: ИНИОН АН СССР, 1990 [*Apartheid: Internal and External Aspects.* Moscow: INION AN SSSR, 1990 (in Russian)].

Беляев А.В. Проблема национально-расовой интеграции и социально-политические процессы в ЮАР в 70-90-е гг. *Очерки по национальному вопросу в Южной Африке.* М.: Восточная литература, 1997. С. 212–251 [Belyaev A.V. The Problem of National and Racial Integration and Socio-Political Processes in South Africa in the 1970-90s. *Essays on the National Issues in South Africa.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. Pp. 212–251 (in Russian)].

Незнамов В.П. *Международные аспекты внутривнутриполитических изменений в ЮАР.* М.: Институт Африки АН СССР, 1991 [Neznamov V.P. *International Aspects of Domestic Political Changes in South Africa.* Moscow: Institut Afriki AN SSSR, 1991 (in Russian)].

Сидоренко Л.В. Апартеид как специфическая форма колониализма. *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени.* 2012. № 9. С. 94–109 [Sidorenko L.V. Apartheid as a Specific Form of Colonialism. *Proceedings of the Chair of Modern and Contemporary History.* 2012. No. 9. Pp. 94–109 (in Russian)].

Южная Африка: борьба против апартеида. Москва: Наука, 1991 [*South Africa: the Struggle against Apartheid.* Moscow: Nauka, 1991 (in Russian)].

Baker P.H. Facing up to Apartheid. *Foreign Policy.* 1986. No. 64. Pp. 37–62.

Bamba A.B. An Unconventional Challenge to Apartheid: The Ivorian Dialogue Diplomacy with South Africa, 1960–1978. *The International Journal of African Historical Studies.* 2014. Vol. 47. No. 1. Pp. 77–99.

Beck R.B. *The History of South Africa.* Westport, London: Greenwood Press, 2000.

Cohen D. Apartheid at the Edges. *The Sewanee Review.* 2010. Vol. 118. No. 4. Pp. 542–560.

Erasmus B.P. The Policy of Apartheid. *African Affairs.* 1961. Vol. 60. No. 238. Pp. 56–65.

Harshe R. Dismantling Apartheid: Problems and Prospects. *Economic and Political Weekly.* 1991. Vol. 26. No. 8. Pp. 439–442.

Holloway J.E. Apartheid. *Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 1956. Vol. 306. Africa and the Western World. Pp. 26–37.

Horst S.T. The Union of South Africa: Economic Problems in a Multiracial Situation. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 1955. Vol. 298. Contemporary Africa Trends and Issues. Pp. 71–83.

Levy P.I. Sanctions on South Africa: What Did They Do? *The American Economic Review.* 1999. Vol. 89. No. 2. Papers and Proceedings of the One Hundred Eleventh Annual Meeting of the American Economic Association. Pp. 415–420.

Lu Y., Treiman D.J. Migration, Remittances and Educational Stratification among Blacks in Apartheid and Post-Apartheid South Africa. *Social Forces.* 2011. Vol. 89. No. 4. Pp. 1119–1143.

Lundahl M. The Rationale of Apartheid. *The American Economic Review.* 1982. Vol. 72. No. 5. Pp. 1169–1179.

Mariotti M. Labour markets during apartheid in South Africa. *The Economic History Review.* 2012. Vol. 65. No. 3. Pp. 1100–1122.

McInnis E. Apartheid in Action. *International Journal.* 1956. Vol. 11. No. 4. Pp. 235–242.

Milkman R. Apartheid, Economic Growth, and U.S. Foreign Policy in South Africa. *Berkeley Journal of Sociology.* 1977–1978. Vol. 22. Pp. 45–100.

- Moll T. Did the Apartheid Economy 'Fail'? *Journal of Southern African Studies*. 1991. Vol. 17. No. 2. Pp. 271–291.
- Murphy J.T. Apartheid's Legacy to Black Children. *The Phi Delta Kappan*. 1992. Vol. 73. No. 5. Pp. 367–374.
- Porter R.C. A Model of the Southern African-Type Economy. *The American Economic Review*. 1978. Vol. 68. No. 5. Pp. 743–755.
- Porter R.C. Apartheid, the Job Ladder, and the Evolutionary Hypothesis: Empirical Evidence from South African Manufacturing, 1960–1977. *Economic Development and Cultural Change*. 1984. Vol. 33. No. 1. Pp. 117–141.
- Savage M. The Cost of Apartheid. *Third World Quarterly*. 1987. Vol. 9. No. 2. After Apartheid. Pp. 601–621.
- Snellen I.Th.M. Apartheid: Checks and Changes. *International Affairs*. 1967. Vol. 43. No. 2. Pp. 293–306.
- Uys S. Apartheid: Opium of the Afrikaner. *Transition*. 1965. No. 19. Pp. 13–16.
- Vilakazi H. The Last Years of Apartheid. *Issue: A Journal of Opinion*. 1978. Vol. 8. No. 4. Africa 2000. Pp. 60–63.
- Walker W.M. *Apartheid and the Administration of South West Africa*. A dissertation submitted to the Faculty of the Division of the Social Sciences in candidacy for the degree of Master of Arts. Chicago, 1967.
- Walshe A.P. The Changing Content of Apartheid. *The Review of Politics*. 1963. Vol. 25. No. 3. Pp. 343–361.
- Welsh D. The Cultural Dimension of Apartheid. *African Affairs*. 1972. Vol. 71. No. 282. Pp. 35–53.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СИДОРЕНКО Леонид Владимирович –
кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории Нового и новейшего времени Санкт-
Петербургского государственного университе-
та, Санкт-Петербург, Россия.

Leonid V. SIDORENKO, PhD (History),
Associate Professor, Chair of Modern and
Contemporary History, Saint Petersburg State
University, Saint Petersburg, Russia.